

Рука Цинь Шухуаня распухла так, что напоминала пышную булочку. Сильно вздувшаяся ладонь ярко алела, глянец кожи блестел на свету, и издалека она походила на гладкую кору головного мозга с наложенными бликами.

Самолёт плавно летел в стратосфере. Цинь Цзай действовал быстро: он оформил перевод в новую школу для обоих и в одиночку увёз Цинь Шухуаня в другой город.

Цинь Цзай был упрям и непредсказуем, и никто из семьи Цинь не мог с ним совладать. Единственным человеком, чьим словам он подчинялся, оставалась старушка Чэнь, но и она оказалась бессильна, когда дело касалось Цинь Шухуаня.

В ту ночь все снимки и видео с Цинь Шухуанем без остатка удалили. Он пробыл на сцене ненадолго, так что записи не успели разлететься по сети — лишь это давало Цинь Цзаю хоть какое-то подобие спокойствия.

Город, куда они отправились, Цинь Цзай выбрал крайне осмотрительно. Цинь Шухуаня нашли у реки, поэтому все города по её течению он сразу вычеркнул и остановил выбор на самом развитом мегаполисе на юге. У этого решения имелась своя причина: в крупном развитом городе огромная плотность населения, а в таком море людей их ни за что не отыщут.

Пока Цинь Цзай мысленно обдумывал их будущее, Цинь Шухуань тихо глотал слёзы. Глядя на строгое выражение лица брата, он понимал, что тот на самом деле терпеть не может его пение — иначе не увёз бы его прочь.

От этой мысли слёзы Цинь Шухуаня потекли с новой силой.

К его лицу прикоснулась мягкая бумажная салфетка.

— Высморкайся получше, — Цинь Цзай вытирал ему лицо и помогал высморкаться.

Глядя на покрасневшие от плача губы Цинь Шухуаня, Цинь Цзай не удержался: прижал к ним пальцы и слегка погладил. В голове пронеслась лишь одна мысль: «И за какие грехи из прошлой жизни он мне достался?»

За окнами аэропорта простирался широкий горизонт. Вечерняя заря разлилась по небу нежно-фиолетовым градиентом. Прозрачно-голубая высь контрастировала с сиреневыми оттенками заката, но это сочетание выглядело удивительно гармоничным.

Цинь Шухуань шаг в шаг следовал за Цинь Цзаем, пока они не добрались до своего нового дома.

Квартиру искали в спешке, поэтому бытовую технику ещё не успели завезти. Цинь Цзай протянул Цинь Шухуаню банное полотенце:

— Иди сначала помыться. И смотри, чтобы на больную руку не попало ни капли воды.

Цинь Цзай перевязал её очень тщательно. Рука и без того сильно распухла, а под слоями водонепроницаемого бинта и защитной перчатки вовсе стала похожа на круглую лапу Доразмона.

Цинь Шухуань вымылся быстро, но когда вышел из ванной, вид у него был смущённый и зажатый.

— А где твоё нижнее бельё? — спросил Цинь Цзай, прибираясь в ванной. Он заметил сменную одежду, но трусов нигде не было.

Цинь Шухуань мгновенно вспыхнул до корней волос и проямлил:

— Брат... просто выбрось их. Вот привезут стиральную машинку для белья, и всё будет нормально. Цинь Цзай проигнорировал кокетливое поведение Цинь Шухуаня. Размашистым движением он выудил из угла ту самую нестиранную пару нижнего белья. Крепкая, сильная ладонь сжала ткань, и он, развернувшись, направился в ванную комнату, где включил кран и принялся за стирку.

Дверь он предусмотрительно оставил открытой, и с кровати в спальне открывался отличный вид на спину Цинь Цзая, склонившуюся над раковиной: широкие плечи, узкая талия, стройные, сильные ноги и мощные руки. Со стороны это выглядело как произведение искусства, если бы не тот факт, что его длинные, узловатые пальцы были заняты стиркой собственного нижнего белья.

Закончив, Цинь Цзай повесил вещь на сушилку и, взглянув на покрасневшего до кончиков волос Цинь Шухуаня, произнёс:

— Я ведь не впервые стираю для тебя. К тому же бюджет ограничен, нужно экономить там, где это возможно.

После этих слов у Цинь Шухуаня даже уши вспыхнули алым.

Матрас для второй спальни ещё не доставили, поэтому им пришлось лечь на одну кровать.

В ночной тишине Цинь Шухуань лежал с открытыми глазами, свернувшись на самом краю постели. В незнакомой обстановке сон никак не шёл. Он тихонько пошевелился, желая сменить позу, но не успел даже повернуться, как Цинь Цзай первым делом осторожно приподнял его руку, боясь, что тот её придавит.

Цинь Шухуань опешил. Он и подумать не мог, что брат тоже не спит, ведь за его спиной дыхание Цинь Цзая звучало ровно и спокойно.

Он нерешительно прошептал:

— Брат, ты всё ещё злишься?

В тихой, тёмной комнате казалось, что можно услышать даже биение собственного сердца. Прошло много времени — так много, что Цинь Шухуань почти заснул, прежде чем услышал очень медленный ответ Цинь Цзая:

— Злюсь. Всё ещё злюсь.

Вокруг царила пустота, в огромной комнате были только они двое. Сердце словно сжала невидимая рука, стало тесно и трудно дышать.

Следом он услышал, как Цинь Цзай добавил:

— Тан-тан, я не должен был тебя бить.

Цинь Шухуань медленно пополз, понемногу пододвигаясь ближе, пока не оказался в объятиях Цинь Цзая.

Усталость от долгого пути и тревога из-за переезда в чужой город мгновенно рассеялись, словно лёгкий ветерок, стоило ему ощутить тепло и сухость тела брата. Как в детстве, он ласково ткнулся губами в подбородок Цинь Цзая и, уткнувшись лицом в его шею, жадно вдыхал знакомый запах.

— Брат, прости меня.

Цинь Цзай не обнял его в ответ, напротив, он выставил руку, отделяя себя от мягкого тела брата:

— Ты никогда не говорил мне, что любишь петь. Ты просто лишил меня права знать об этом. Тан-тан, это несправедливо по отношению ко мне.

Услышав это, Цинь Шухуань не смог сдержать слёз.

— Я не то чтобы люблю петь, я просто хотел попробовать. Но я знал, что если скажу тебе, ты ни за что не согласишься — точно так же, как и в прошлый раз.— Если я не даю согласия, значит, ты не будешь этого делать? Цинь Шухуань! Если ты завтра захочешь убивать или поджигать, а я буду против, ты тоже пойдёшь и сделаешь это?

— Не буду, не буду! — сквозь слезы мотал головой Цинь Шухуань, упорно пытаясь прильнуть к Цинь Цзая.

Цинь Цзай раз за разом отталкивал его, но тот не сдавался: стоило ему оказаться отстраненным, как он тут же подавался вперед, снова и снова.

Не получив желаемых объятий, Цинь Шухуань зарыдал, не в силах сдержать эмоции. Его голос дрожал от отчаяния:

— Брат, пожалуйста, не бросай меня.

Цинь Цзай тяжело вздохнул. Его сердце все же не выдержало, он принялся вытирать слезы Цинь Шухуаня:

— Брат тебя не бросит. Но если хочешь, чтобы я тебя обнял, ты должен пообещать: впредь у тебя не будет от меня никаких секретов. Независимо от того, согласен я или нет, ты не смеешь ничего скрывать. Обещаешь?

Цинь Шухуань яростно закивал и потянулся к Цинь Цзаяу, с нетерпением выкрикивая:

— Обещаю, обещаю!

Цинь Цзай преградил путь его рукам и холодно произнес:

— Повтори то, что я сейчас сказал.

Цинь Шухуань убрал руки и, послушно выпрямившись, проговорил слово в слово:

— Впредь я не смею ничего скрывать от брата, даже если брат будет против, я все равно не смею скрывать. Брат, можно теперь меня обнять? Я правда понял, что был неправ.

Цинь Цзай кивнул.

Получив разрешение, Цинь Шухуань тут же нырнул в теплые, сухие объятия Цинь Цзая. Он уткнулся лицом ему в грудь, жадно вдыхая родной запах брата.

Объятия брата всегда были самыми теплыми.

В первый день занятий в новой школе Цинь Цзай встал спозаранку и, надев фартук, принялся готовить на кухне.

В кастрюле бурлила каша из черного риса, на сковороде шкворчала яичница. Не успел он поставить завтрак на стол, как из комнаты, шаркая тапочками и протирая сонные глаза, вышел Цинь Шухуань.

— Живо умываться. Я приготовил твою любимую лапшу в форме бабочек с курицей.

— Угу.

Умывшись, Цинь Шухуань развалился за столом, словно важная персона. Цинь Цзай протянул ему вилку:

— Ешь сам.

— Не хочу, я слишком сонный.

Цинь Цзай беспомощно посмотрел на того, кто закрыл глаза и притворился спящим. Смирившись со своей участью, он взял вилку и принялся кормить брата.

— Яичницу не буду. — Цинь Шухуань указал пальцем на блюдо и плотно сжал губы.

Цинь Цзай подавил вспыхнувшее раздражение и убрал жареное яйцо из тарелки:

— Ешь быстрее, не выдумывай лишнего.

После завтрака Цинь Шухуань принялся собираться, двигаясь с черепашьей скоростью. Цинь Цзай, подболевшись, наблюдал, как тот надевает носки, словно в замедленной съемке. В конце концов, не выдержав, он схватил брата за лодыжку и в два счета натянул на него носки.

— Цинь Шухуань, чтобы я не повторял дважды: шевелись! С самого утра Цинь Цзай ухитрился довести Цинь Шухуаня до головной боли. Особенно его разозлило, когда этот некто после школы, рискуя опоздать на урок разговорного английского с иностранным преподавателем, бессовестно позвонил ему по видеосвязи.

— Не занимайся ерундой каждый день.

— Быстро иди на урок.

— Ещё хватает наглости звонить по видеосвязи, когда уже опаздываешь.

.....

Цинь Шухуань невозмутимо смотрел в экран, а голос Цинь Цзая всё звучал и звучал в ушах. Дождавшись, пока тот наконец выговорится, он неторопливо выдал:

— Обязательно.

Цинь Цзай:

Цзи Цзывэй катил за собой чемодан, закинув солнцезащитные очки на волосы, лихо поймал такси и с чистой совестью поселился в доме Цинь Цзая.

— Да нет же, ты так на него давишь, ему ведь тяжело, между прочим.

Цзи Цзывэй, неспешно закидывая в рот виноград, с видом знатока оценивал сидевших за столом и делавших домашнее задание двоих.

Оценки Цинь Шухуань по программе международный бакалавриат по математике были просто ужасны: если по остальным предметам он ещё дотягивал до шестёрок, то в математике получить хотя бы двойку было уже великим благословением.

Цинь Цзай специально поставил стол, сел напротив Цинь Шухуаня и лично надзирал за тем, как тот делает уроки.

— Если тебе нечем заняться, вали на все четыре стороны, — у Цинь Цзая, провозившегося с уроками добрую половину дня, был далеко не самый лучший тон.

Скрестив руки на груди, откинувшись на спинку стула и вытянув длинные ноги прямо перед ногами Цинь Шухуаня, он просто смотрел на склонившегося над заданиями Цинь Шухуаня.

Цзи Цзывэй от души веселился, сфотографировал их со стороны и тут же переслал снимок Цинь Цзаю.

— Только посмотри на своё выражение лица, Цинь Шухуань вылитая молодая жена.

Цинь Цзай метнул в лицо Цзи Цзывэя испепеляющий взгляд, и Цзи Цзывэй тут же замолчал, сосредоточившись на винограде.

Еле-еле закончив с уроками, Цинь Цзай принялся убирать со стола посуду и загружать её в посудомоечную машину.

Посудомойка располагалась внизу, и Цинь Цзаю пришлось наклониться. Цзи Цзывэй, напевая себе под нос песенку, как раз проходил мимо и, увидев согнутую спину Цинь Цзая, не преминул спародировать какую-нибудь гадость.

Бесшумно подкравшись сзади, он изо всех сил толкнул Цинь Цзая бёдрами. Тот совершенно не ожидал подвоха и налетел прямо на мраморную столешницу.

В тот же миг у Цинь Цзая кулаки сжались до боли, и он, не говоря ни слова, резким движением прижал Цзи Цзывэя к столу.

— А-а-а-а, больно, больно, больно!

Цзи Цзывэй заломил руки за спину и скорчил гримасу от боли.

Звучный шлепок — широкая ладонь Цинь Цзая без колебаний приземлилась прямо на задницу Цзи Цзывэя.

— Цинь Цзай, мать твою!

Цинь Шухуань стал свидетелем всей этой сцены и замер на месте со стаканом в руке.

Цинь Цзай всё ещё удерживал Цзи Цзывэя, и ни один из них не заметил Цинь Шухуаня.

Тёмным вечером того же дня Цинь Шухуань попал в больницу из-за тяжелейшей аллергии на виноград.

<http://bllate.org/book/21844/2264887>